3. Фрейд. Скорбь и меланхолия
Перевод с немецкого и комментарии Виктора Мазина

После того как сновидение послужило нам нормальным образцом нарциссического душевного расстройства,[1] мы постараемся прояснить сущность

Итак, Фрейд проявляет интерес к меланхолии уже в 1890-е гг. Причем, интерес этот носит далеко не только «чисто» научный, отвлеченный характер. Он обусловлен и самоанализом: «я продолжу наблюдение за этими периодическими расстройствами настроения, пока их смысл остается для меня совершенно неясным», — пишет он Флиссу 19 ноября 1899 года [13:424], Обратим внимание на то, что вместо слова Depression Фрейд пользуется словом Verstimmung, расстройство настроения (переводчики на английский язык предпочитают, согласно канонам своего научного языка, говорить о depression). Отличается ли меланхолия от расстройства настроения? Периодические расстройства настроения Фрейд относит к неврозам страха [Angstneurose}. В отличие от меланхолии, пишет Фрейд в отправленной Флиссу 8 февраля 1893 года рукописи [Manuskript B], у этих расстройств имеется рациональная связь с психической травмой, а точнее, связь это заключена в травме [rationelle Anknüpfung in einem psychischen Trauma] [13:31]. Второе отличие между состояниями заключается в том, что при периодических расстройствах настроения как правило не встречается того психического торможения, а точнее той психической анестезии [psychiche Anaesthesie], которая характеризует меланхолию. Данная статья, «Скорбь и меланхолия», конечно же, представляет собой отдельную законченную работу, но при этом все же принадлежит серии из 12 метапсихологических статей, которые Фрейд пишет в 1915 году. Завершенными и опубликованными из 12 оказались 5: «Влечение и их судьба», «Вытеснение», «Бессознательное», «Метапсихологическое дополнение к учению о сновидениях» и «Скорбь и меланхолия». В то же время, «Скорбь и меланхолия» связана не только с этими четырьмя статьями, и не только с разработками 1890-х гг., но и — теснейшим образом — с будущей реконструкцией психоаналитической системы, Это — переходная работа: в ней намечено как смещение к новой модели психического аппарата, так и к реорганизации теории влечений. Движение к новой модели подготавливается расщеплением я, расщеплением, которое парадоксальным образом, обеспечивает инстанциональный характер я. Это расщепление приведет Фрейда не только к дифференциации в пределах аппарата я-идеала и сверх-я, но и к идее конституирования я за счет механизмов идентификации меланхолии, сравнивая ее с нормальным аффектом скорби.[2] Однако, на сей раз нам следует заранее сделать признание, которое должно предотвратить переоценку результата. Меланхолия, понятийное определение которой неустойчиво и в описательной психиатрии, встречается в разнообразных клинических формах, сведение которых в единое целое кажется необоснованным, и из них некоторые

[1] *«Скорбь и меланхолия» и тематически, и хронологически связана с «Введением в нарциссизм» (1914). Джонс пишет о том, что Фрейд говорил ему о меланхолии (см. далее) в январе 1914 года, а в декабре выступил по этому вопросу перед Венским Психоаналитическим, обществом. Связь меланхолии и нарциссизма обусловлена выбором объекта — либидо направлено на объект, интроецированный в я, на объективированное я, объект-я. Расщепление я при меланхолии обуславливает нарциссическое замыкание психической реальности, при котором происходит регрессия к доэдипальным стадиям развития, замыкание, при котором отсутствует объект переноса.*

[2] *Немецкое слово Trauer означает одновременно и (нормальный) аффект, и ритуал. На русский возможны, как минимум три перевода немецкого Trauer:. а) печаль, б) траур, в) скорбь. Печаль — подчеркивает «нормальность» чувства; траур — ритуал; скорбь указывает и на глубокую печаль, и на ритуал. Именно по этой причине мы останавливаемся на «скорби», а не на «трауре», вопреки созвучию, или «печали», вопреки ее «нормальности».*

напоминают скорее соматические, чем психогенные расстройства.[3] Помимо впечатлений, имеющихся в распоряжении любого наблюдателя, наш материал ограничивается небольшим числом случаев, психогенная природа которых не подлежит никакому сомнению. Таким образом, мы с самого начала отказываемся от претензий на всеобъемлющую законность наших выводов и утешаем себя тем соображением, что с помощью современных исследовательских средств мы едва ли сможем обнаружить что-нибудь, что не было бы типичным, если не для целого класса расстройств,[4] то хотя бы для маленькой их группы.

Сопоставление меланхолии и скорби кажется в большей степени оправданным, если исходить из общей картины двух состояний.[5] Поводы для возникновения обоих под влиянием жизненных обстоятельств там, где они вообще ясны, тоже совпадают. Скорбь является закономерной реакцией

Фрейд неоднократно проводил аналогию между этими двумя состояниями и раньше. Например, уже в 1894 году [Manuskript G] он пишет: «соответствующий меланхолии аффект тот же, что и в скорби, а именно страстное желание чего-то утраченного» [13:97]. Обратим внимание и на то, что Фрейд ставит акцент на функции желания при меланхолии. на утрату[6] любимого человека или какой-либо занимающей его место абстракции, например родины, свободы, идеала и т. д. При одном и том же воздействии у некоторых людей, у которых мы подозреваем болезненную наклонность,[7] вместо скорби проявляется меланхолия. В высшей степени примечательно также то, что нам никогда не приходит в голову рассматривать скорбь как болезненное состояние и обращаться за помощью к врачу, хотя она приносит с собой тяжелые отклонения от нормального образа жизни. Мы полагаемся на то, что по истечении некоторого времени она будет преодолена, и считаем беспокойство по ее поводу напрасным, себе во вред.

Меланхолия отличается в душевной жизни глубоко болезненным настроением, снятием[8] интереса с внешнего мира, утратой способности любить,[9] заторможенностью

---

[3] *Фрейд использует здесь существительное Affektionen, означающее в медицинском контексте поражение, а также и возбуждение. Прибегая к Affektion, он одновременно указывает и на аффективный характер поражения, на расстройство аффектации [Affektation].*

[4] *Итак, Фрейд подчеркивает расстройство именно жизни аффекта. Данный момент напоминает нам о том, что именно с этой стороны стремился он понять психические проблемы в, так сказать, катартический период своего творчества. 21 мая 1894 года он пишет Флиссу о трех механизмах расстройства [ver-] аффективной жизни: превращение аффекта [Affektverwandlung] при конверсионной истерии, смещение аффекта [Affektverschiebung] при навязчивых представлениях, замена аффекта [Affektvertauschung] при неврозе страха и меланхолии (13:68].*

[5] *Из этого же сравнения исходил и Абрахам, которому мы обязаны самым значительным из немногих аналитических исследований по данному предмету (Zentralblatt für Psychoanalyse. II. б. 1912). Примечание З.Ф.*

[6] *Таким образом, и скорбь, и меланхолия развиваются в результате утраты, причем утраты в любовной жизни влечений, что Фрейд и предполагает в 1894 году: «также и при меланхолии речь идет об утрате, а именно, — утрате в жизни влечений [Triebleben]» [13:97]. Он подчеркивает, что при меланхолии утрачивается сексуальный аппетит, т.е. утрачивается не только и не столько объект либидо, сколько само либидо: «потеря аппетита = потеря либидо в сексуальности [Appetitverlust = Verlust von Libido]» [13:97]. Отметим, что в немецком языке само слово потеря [Verlust] содержит в себе нарушение, прекращение, удаление (на которое указывает приставка уег) удовольствия, желания [Lust].*

[7] *Мы используем здесь наклонность [Dispositionen] вместо более очевидной в данном контексте предрасположенности, чтобы подчеркнуть содержащееся в немецком слове указание на расположение психологических черт, констелляцию симптомов, связанных с онтогенетической истерией, без каких-либо намеков на генетическую предрасположенность.*

[8] *Фрейд использует здесь понятие Aufhebung, которое означает отнюдь не просто потерю [Verlust], но и сохранение (в данном случае интереса). Понятие это является одним из основных в гегелевской диалектике, и традиционно переводится на русский язык как снятие. Немецкий глагол aufheben означает одновременно: возносить, поднимать; отменять, упразднять; сохранять. У Гегеля процедура Aufhebung, таким образом, говорит о том, что теза всегда уже сохраняет в себе антитезу, которая снимает тезу, и вместе они возносятся в синтезе того и другого.*

[9] *Таким образом, меланхолия оказывается теснейшим образом связанной с особенностями любовной жизни, с сексуальностью, как в широком, так и в узком смысле слова. Связь эта подчеркивается Фрейдом уже в самых ранних попытках осмысления меланхолии. В рукописи [Manuskript F], отправленной Флиссу 18 августа 1894 года, он пишет, что этиология меланхолии близка неврастении, и сближают их проблемы мастурбации, коитуса, оргазма [13:89]. Фрейд приводит в этом месте рукописи знаменитую сентенцию Аристотеля omne animal post coitum tristee (est) (всякое животное после coitus печально). В рукописи «Меланхолия» Фрейд дает, как он пишет, «лучшее определение» этому состоянию: «психическое торможение с обнищанием влечения [Triebverarmung] и связанной с ним болью» [13:102].*

всякой деятельности и понижением чувства собственного достоинства, что выражается в самоупреках и оскорблениях в свой собственный адрес и перерастает в бредовое ожидание наказания. Эта картина приблизит наше понимание, если мы примем в расчет, что скорбь обнаруживает те же самые черты, за исключением одной-единственной, — нет расстройства чувства собственного достоинства. В остальном — все то же самое. Тяжелая скорбь, реакция на утрату любимого человека, содержит упомянутое болезненное настроение, потерю интереса к внешнему миру — поскольку он не напоминает об умершем, — потерю способности выбрать какой-либо новый объект любви — что означало бы замену оплакиваемого, — отход от какой-либо деятельности, которая не связана с памятью об умершем. Мы легко поймем, что эти заторможенность и ограниченность я являются выражением исключительного предания себя скорби, при этом для других намерений и интересов ничего больше не остается. Такое поведение не кажется нам патологическим, поскольку мы с легкостью можем его объяснить.

Мы также одобряем сравнение, именующее скорбное настроение «болезненным». Его правомерность станет для нас очевидной, когда мы сумеем охарактеризовать боль экономически.[10]

В чем же заключается работа, совершаемая скорбью? Я считаю, что без какой-либо натяжки можно изобразить ее следующим образом: испытание реальности[11] показало, что любимого объекта больше нет, и теперь необходимо отвлечь все либидо от связей с этим объектом. Против этого возникает понятный протест — везде и всюду можно наблюдать, что человек неохотно покидает позицию либидо, даже тогда, когда готова замена. Протест может быть настолько интенсивным, что происходит отрыв от реальности и сохранение объекта с помощью галлюцинаторного психоза желания.[12] Нормой является ситуация, в которой победу одерживает уважение к реальности. Но все же оно не может выполнить свою задачу сразу. Оно требует больших затрат времени и проводимой энергии нагрузок,[13] между тем как продолжается психическое существование утраченного объекта. Каждое отдельное воспоминание или ожидание, в которых либидо связано с объектом, появляется, сверхнагружается,[14] и в нем осуществляется разрешение либидо.[15] Отнюдь не легко экономически обосновать, почему эта компромиссная деятельность отдельного проведения требования реальности чрезвычайно болезненна. Примечательно, что это болезненное неудовольствие кажется нам само собой разумеющимся. Фактически же я после завершения

---

[10] *Экономические аспекты боли Фрейд обсуждает в самых разных работах, от «Наброска научной психологии» (1895) до «Ребенка бьют» (1919), «По ту сторону принципа удовольствия» (1920), «Экономической проблемы мазохизма» (1924).*

[11] *Понятие испытание реальности [Realitätsprufung] означает процесс различения внешнего и внутреннего, восприятия объекта и энергетически нагруженного представления объекта, восприятия и галлюцинации. Параллельно «Скорби и меланхолии» Фрейд публикует «Метапсихологическое дополнение к теории сновидений» (1917), в котором испытание реальности становится одной из главных функций я. В, «Отрицании» (1925) испытание реальности — основа суждения о существовании. Испытание реальности — одно из самых сложных и неоднозначных понятий в психоанализе (см. статью Лапланша и Понталиса в «Словаре психоанализа» [16:176-181]).*

[12] *Этим словосочетанием — eine halluzinatorische Wunschpsychose (галлюцинаторный психоз желания) — Фрейд подчеркивает значимость желания в психозе, также как и при меланхолии как нарциссическом расстройстве. Другим — «нормальным» — примером галлюцинаторного психоза желания Фрейду служит сновидение (см. «Метапсихологическое дополнение к учению о сновидениях», вышедшее в свет в тот же год, что и «Скорбь и меланхолия»).*

[13] *Этот термин, энергия нагрузок [Besetzungsenergie], — один из основных в экономике Фрейда и требует отдельного тщательного рассмотрения в ее рамках, в частности в связи с представлениями о свободной и связанной энергией. В словаре Лапланша и Понталиса Автономова переводит этот термин как энергетическая нагрузка, хотя и в немецком и французском языке он включает два существительных, «энергия» и «нагрузка».*

[14] *Сверхнагрузка [Überbesetzung] указывает, по аналогии со сверхдетерминированностью [Überdeterminirung] и сверхистолкованием [Überdeutung], на множественный характер нагрузки, но одновременно и на перезагрузку, и даже на перегрузку. Иначе говоря, под сверхнагрузкой подразумевается не только дополнительная нагрузка уже нагруженного представления, но еще и перезагрузка в смысле нарциссического возврата энергии в я.*

[15] *Die Lösung der Libido. Разрешение либидо подразумевает как его освобождение, и, тем самым, развязку, решение, так и допущение, возможность такового. Более того, это словосочетание можно перевести и в химическом смысле растворения либидо. Рассеивающиеся значения Lusung рассматриваются Деррида в первом, посвященном Фрейду, разделе книги «Сопротивления» (1996).*

работы скорби вновь становится свободным и безудержным.

Теперь применим к меланхолии то, что мы узнали о скорби. В ряде случаев очевидно, что она тоже может быть реакцией на утрату любимого объекта; при иных поводах можно обнаружить, что природа утраты более идеальная. Скажем, объект умер не по-настоящему, но он потерян как объект любви (например, в случае покинутой невесты). Еще в других случаях считается, что следует признавать такую утрату, но при этом невозможно в точности распознать, что именно утрачено, и тем скорее следует предположить, что и больной также не способен понять, что именно он потерял. Да, такой случай мог бы еще иметь место тогда, когда вызвавшая меланхолию утрата известна больному, когда он знает, кого он потерял, но не знает, что он при этом утратил. Таким образом, нам было бы удобнее как-то связать меланхолию с изъятой из сознания утратой объекта, в отличие от скорби, при которой в утраченном нет ничего бессознательного.

Мы обнаружили, что заторможенность и потеря интереса при скорби полностью объясняются поглощающей я работой скорби. Сходная внутренняя работа будет следствием также и неизвестной утраты при меланхолии, и поэтому она будет ответственной за меланхолическую заторможенность. Эта меланхолическая заторможенность производит на нас загадочное впечатление лишь потому, что мы не в состоянии понять, что же в столь полной мере поглощает больных. Меланхолик показывает нам еще кое-что, отсутствующее при скорби, — чрезвычайное понижение чувства я,[16] величественное обеднение я. При скорби мир становится бедным и пустым, при меланхолии таким становится само я. Больной изображает свое я мерзким, ни на что не способным, аморальным, упрекает, ругает себя, ожидает изгнания и наказания. Он унижается перед любым человеком, жалеет каждого из своего окружения за то, что тот связан с таким недостойным человеком, как он. Он не понимает перемены, которая в нем произошла, но распространяет свою самокритику и на прошлое, утверждая, что никогда не был лучше. Картина такого — преимущественно морального — тихого помешательства дополняется бессонницей, отказом от пищи и психологически в высшей степени примечательным преодолением влечения, благодаря которому все живое продолжает жить.

Как с научной, так и с терапевтической точки зрения бесполезно противоречить больному, выдвигающему против своего я такого рода обвинения. Он, должно быть, в каком-то смысле прав и изображает[17] нечто такое, что обстоит так, как ему кажется. Некоторые из его показаний мы должны безоговорочно подтвердить. У него действительно настолько утрачен интерес, он настолько неспособен на любовь и на деятельность, как говорит. Но это, как мы знаем, вторично, это следствие внутренней, неизвестной нам, сопоставимой со скорбью работы, которая пожирает его я. В некоторых других самообвинениях он, похоже, также прав; просто его восприятие истины острее, чем у остальных, тех, у кого нет меланхолии. Когда он с повышенной самокритикой изображает себя мелочным, эгоистичным, неискренним, несамостоятельным человеком, всегда стремившимся только к тому, чтобы скрыть слабости своего характера, он, вероятно, достаточно близок к тому, что нам известно о самопознании, и мы лишь спрашиваем себя, почему нужно сначала заболеть, чтобы подобная истина стала доступной. Ведь не вызывает сомнения, что тот, кто сформировал такую самооценку и выражает ее перед другими —

[16] *Буквально я-чувства [Ichgefühls].*

[17] *Эти самообвинения изображают [schildern] не только картину представления я, но и картина эта — неотъемлемая его защита, я-защита, щит [Schild] я.*

оценку, которую использует по отношению к себе и к другим принц Гамлет,[18] — тот болен, независимо от того, говорит ли он правду или поступает по отношению к себе более-менее несправедливо. Нетрудно также заметить, что между масштабами самоуничижения и его реальными основаниями, на наш взгляд, нет соответствия. Порядочная, прилежная и верная жена при меланхолии будет говорить о себе не лучше, чем и в самом деле никчемная; и у первой, возможно, большая вероятность заболеть меланхолией, чем у второй, о которой и мы не могли бы сказать ничего хорошего. В конце концов, нам должно бросаться в глаза, что меланхолик ведет себя не совсем так, как обычный, терзаемый раскаянием и самоупреками человек. У него отсутствует или, по крайней мере, незначительно проявляется стыд перед другими, который, прежде всего, характеризовал бы это второе состояние. У меланхолика можно было бы выделить почти противоположную черту — навязчивую общительность, которая находит удовлетворение в самокомпрометации.

Так что не важно, прав ли меланхолик в своем болезненном самоуничижении, когда его критика совпадает с оценкой других. Куда важнее то, что он верно описывает свою психологическую ситуацию. Он утратил самоуважение и, должно быть, с достаточными на то основаниями. Итак, в любой случае мы оказываемся перед противоречием, которое задает нам трудноразрешимую загадку. По аналогии со скорбью должны мы заключить, что он претерпевает утрату объекта; из его высказываний следует утрата собственного я.

Прежде чем мы займемся этим противоречием, на мгновение обратим наш взор на то, что говорит нам расстройство меланхолика о строении человеческого я. Мы видим, что у него одна часть я противопоставляет себя другой, критически оценивает ее, будто принимает за объект. Наше подозрение, что критическая инстанция, отделившаяся при этом от я, при других обстоятельствах тоже может доказать свою самостоятельность, подтверждают все дальнейшие наблюдения. Мы действительно найдем основание отделить эту инстанцию от остального я.[19] То, с чем мы здесь познакомились, это инстанция, обычно называемая совестью; наряду с цензурой сознания и испытанием реальности мы причисляем ее к значительными институтам я[20] и когда-нибудь найдем доказательства того, что она сама по себе может заболеть. Картина болезни при меланхолии выводит на передний план моральное недовольство собственным я: физический недостаток, уродство, бессилие, социальная неполноценность значительно реже становятся предметом самооценки; лишь опустошение я занимает преимущественное место в опасениях и утверждениях больного.

К разъяснению только что обнаруженного противоречия приводит наблюдение, которое совсем легко осуществить. Если терпеливо выслушивать различные самообвинения меланхолика, то в конце концов нельзя отделаться от впечатления, что самые сильные из них зачастую очень мало подходят к его личности, но с незначительными изменениями могут подойти другому человеку, которого больной любит, любил или должен был бы любить. Сколько раз исследуешь положение дел, столько и убеждаешься в этом предположении. Таким образом, признавая самоупреки упреками в адрес объекта любви, которые тут же перекладываются с него на собственное я, обретаешь ключ к картине болезни.

Жена, вслух жалеющая своего мужа за то, что он связался с такой ни на что не

---

[18] *Use every man after his desert, and whu shall scape whipping (Hamlet. II. 2). Если с каждым обходиться по заслугам, кто уйдет от порки? (Пер. Б.Л. Пастернака.) Примечание З.Ф.*

[19] *Окончательное выделение критической инстанции сверх-я, как известно, Фрейд производит в 1923, в работе «Я и оно»: при меланхолии «я не решается противоречить, оно признает себя виновным и подчиняется наказаниям», при этом «объект, на который направляется гнев сверх-я, путем идентификации принят в я». [10:288]*

[20] *Институты я — буквально я-институции [Ichinstitutionen]. Так будущая инстанция я собирается за счет различных функций, которые Фрейд соотносит с различными институциями, установлениями, учреждениями.*

способной женщиной, собственно говоря, хочет обвинить в несостоятельности мужа, в каком смысле это бы ни подразумевалось. Не нужно слишком удивляться тому, что справедливые упреки в свой адрес перемешаны здесь с переадресованными; они могут выделяться, потому что они содействуют тому, чтобы скрывать другие и делать невозможным познание истинного положения вещей, ведь они происходят из тех «за» и «против» любовной ссоры, которая привела к утрате любви. Теперь и поведение больных становится гораздо понятнее. Их жалобы суть обвинения,[21] в соответствии со старым смыслом слов; они не стыдятся и не скрываются, поскольку все то уничижительное, что ими высказано, в общем-то относится к другому человеку; и они далеки от того, чтобы засвидетельствовать своему окружению собственное смирение и покорность, которые подобали бы столь недостойным личностям, напротив, они в высшей степени измучены, всегда как бы обижены и как будто бы испытывают большую несправедливость. Все это возможно только потому, что эти реакции их поведения проистекают из душевной констелляции протеста, переходящего затем посредством некоего процесса в меланхолическую подавленность.

Далее совсем нетрудно этот процесс реконструировать. Выбор объекта, привязка либидо к определенной личности осуществились; связь с объектом разрушается под влиянием реальной обиды или разочарования в возлюбленном. Итогом было не нормальное снятие либидо с этого объекта и его смещение на новый объект, а другое, требующее определенных условий для своего осуществления. Нагрузка объекта оказалась мало способной к сопротивлению, она снялась, но свободное либидо не сместилось на другой объект, а отступило в я. Однако там оно так и не нашло никакого применения, а способствовало идентификации я с покинутым объектом.[22] Так тень объекта пала на я, которое особая инстанция теперь судит как объект, как покинутый объект. Таким образом, утрата объекта превратилась в утрату я,[23] а конфликт между я и любимым человеком — в конфликт между критическим я[24] и я, изменившимся в результате идентификации.[25]

Поскольку десубъективация, утрата я предполагает невозможность нарциссической регрессии к я, речь скорее может идти о регрессии либидо к фрагментирующемуся, пересобирающемуся представлению я, о дезидентификации, или идентификационном распаде.

Подчеркивая генетическую преемственность эдипального процесса с предшествующими стадиями психосексуального развития, Фрейд говорит об интроекции объекта в я, в онтогенетическом смысле — о регрессии к орально-каннибалистическому

---

[21] *Курсивом Фрейд подчеркивает здесь лингвистическую близость, практически идентичность этих понятий в немецком языке [Klagen eind Anklagen] Обвинение отличается от жалобы лишь приставкой an.*

[22] *С одной стороны, речь идет о расщеплении я, с другой, — о замещении я объектом. Иначе говоря, о расщеплении и частичном замещающем преобразовании я.*

[23] *Утрата другого неизбежно должна приводить к утрате (по крайней мере, частичной) себя, я (откуда нередко встречающаяся при меланхолии деперсонализация). Утрата объекта предполагает регрессию к безобъектным, а точнее дообъектным отношениям, отношениям по ту сторону структуры я/другой. Меланхолия как процесс деконструкции субъекта, т. е. его десубъективации и ресубъективации сопровождается нарушением осмысления, пробелом в символическом, тем, что Фрейд называет в самом конце своей рукописи «Меланхолия» (1894) «дырой в психическом» [das Loch im Psychischen] [13:102].*

[24] *Буквально «я-критикой» [Ichkritik]. В такой сгущенной форме подчеркивается, что место утраченного я занимают: особая инстанция [besonderen Instanz] "я-критика" и «я-измененное» [veränderten Ich] в результате идентификации с утраченным объектом. Итак, мы наблюдаем здесь рождение сверх-я как критической инстанции и рождение я через идентификации.*

[25] *В третьей главе «Я и оно» меланхолия также предполагает замену объектной нагрузки идентификацией с объектом, т.е. сохранением объекта в субъекте за счет субъекта. Меланхолию, таким образом, можно представить и как самопожертвование ради сохранения объекта. Это сохранение объекта любой ценой резко отличает меланхолию от психотического отказа от объекта. Регрессия к доэдипальным стадиям здесь приводит к различным результатам. Парадоксальным образом, при меланхолии, как бы вопреки объектификации субъекта, сохраняется нарциссическая привязанность:«Принимая черты объекта, я как бы навязывает оно самое себя в качестве любовного объекта, старается возместить ему его утрату, обращаясь к нему с такими словами: смотри, ты ведь можешь любить и меня — я так похоже на объект» [10:269].*

инкорпорированию. Именно эта регрессия «делает возможным отказ от объекта», и как раз отказ этот, эта «замена играет большую роль в образовании я» [10:268]. Так меланхолия представляет собой переживание процесса ресубъективации — реорганизации я за счет отказа от объекта, что восполняет точку зрения, высказанную ранее: объект сохраняется за счет отказа от себя.

О некоторых предпосылках и результатах такого процесса можно сразу догадаться. С одной стороны, должна существовать сильная фиксация на объекте любви, но с другой, в противоречии с этим, незначительное сопротивление нагрузке объекта. Видимо, это противоречие, по меткому замечанию О. Ранка, требует, чтобы выбор объекта осуществлялся Нарциссическая идентификация с объектом заменяет любовную нагрузку, в результате чего любовные отношения, несмотря на конфликт с любимым человеком, не должны прекращаться. Такая замена объектной любви идентификацией является важным механизмом при нарциссических расстройствах; Карл Ландауэр смог это неожиданно обнаружить в процессе лечения шизофрении (1914). Этот механизм, естественно, соответствует регрессии от некоторого типа выбора к первоначальному нарциссизму. В другом месте мы выяснили, что идентификация является предварительной ступенью выбора объекта и первым, амбивалентным в своем выражении, способом, каким я отличает объект. Я хотело бы присвоить этот объект, а именно в соответствии с оральной или каннибалистической фазой развития либидо, поглотить его. К этой взаимозависимости Абрахам по праву сводит отказ от приема пищи, который проявляется при тяжелой форме меланхолического состояния.[26]

К сожалению, требуемый теорией вывод, согласно которому расположенность к меланхолическому заболеванию или часть его переходят в распоряжение нарциссического типа выбора объекта,[27] еще нуждается в подтверждении с помощью дополнительного исследования. Во вступительной части этого сочинения я признал, что эмпирический материал, на котором строится данное исследование, недостаточен для удовлетворения наших притязаний. Если бы мы могли допустить соответствие наблюдений с нашими выводами, то без колебаний к характеристике меланхолии отнесли бы регрессию от объектной нагрузки к нарциссической оральной фазе либидо. Идентификации с объектом не редкость и при неврозах переноса,[28] более того, это известный механизм симптомообразования, особенно при истерии. Впрочем, между нарциссической идентификацией и таковой при истерии следует провести различие, которое заключается в том, что в первом случае объектная нагрузка прекращается, тогда как во втором она сохраняется и обнаруживает воздействие, которое обычно ограничивается отдельными действиями и иннервациями. И все же идентификация и при неврозах переноса выражает общность, которая может означать любовь. Нарциссическая идентификация изначальна, и она открывает нам доступ к пониманию менее изученной истерической идентификации.[29]

Меланхолия, таким образом, заимствует одну часть своих черт у скорби, другую — у

---

[26] *Абрахам указал на эту взаимосвязь в письме Фрейду от 31 марта 1915 года.*

[27] *О нарциссическом выборе объекта см. «К введению в нарциссизм» (1914).*

[28] *Фрейд различает нарциссические неврозы и неврозы переноса. Понятие невроза переноса появляется у него в статье «Воспоминание, повторение, проработка» (1914). Различие между двумя типами неврозов очевидно в названии: при нарциссических неврозах мы не сталкиваемся с переносом. К неврозам переноса Фрейд относит истерию страха, конверсионную истерию, невроз навязчивых состояний. В статье 1924 года, «Невроз и психоз», именно меланхолические расстройства он относит к нарциссическим неврозам.*

[29] *Об истерической идентификации Фрейд пишет в «Толковании сновидений» (1900), а развернутому представлению идентификации «вообще» посвящена седьмая глава «Массовой психологии и анализа человеческого я» (1921). Посредством истерической идентификации «больные выявляют в своих симптомах не только собственные переживания, но и переживания целого ряда других лиц; они как бы страдают за других и исполняют единолично все роли большой жизненной пьесы» [9:162].*

процесса регрессии от нарциссического выбора объекта к нарциссизму.[30] С одной стороны, она, как скорбь, является реакцией на реальную утрату объекта любви, но, кроме того, она обременена условием, которое отсутствует при нормальной скорби, или, если оно есть, превращает эту реакцию в патологическую. Утрата объекта любви — отличный повод выявить и предъявить амбивалентность любовных отношений.[31] Там, где имеется склонность к неврозу навязчивых состояний, амбивалентный конфликт придает скорби патологическую форму и заставляет ее выразиться в форме упреков в свой адрес, что, мол, сам был виноват в утрате объекта любви, т. е. хотел этого. На примере таких депрессий невроза навязчивых состояний[32] после смерти любимого человека мы видим, к чему приводит амбивалентный конфликт сам по себе, если при этом отсутствует регрессивное втягивание либидо. Случаи меланхолии чаще всего выходят за пределы простой утраты в результате смерти и все содержат ситуации обиды, оскорбления и разочарования, которые могут вносить в отношения противоположность любви и ненависти или усиливать имеющуюся амбивалентность. Этим амбивалентным конфликтом, то более реального, то более конститутивного происхождения, нельзя пренебрегать как одной из предпосылок меланхолии. Если любовь к объекту, которая не может прекратиться, тогда как сам объект покинут, нашла спасение в нарциссической идентификации, то по отношению к этому замещающему объекту обнаруживается ненависть, обнаруживается в том, что его бранят, унижают, заставляют страдать и находят в этом страдании садистское удовлетворение. Несомненно, доставляющее удовольствие самоистязание при меланхолии означает, как и соответствующий феномен невроза навязчивых состояний, удовлетворение садистских тенденций и тенденций ненависти,[33] которые направлены на объект и на этом пути повернулись в сторону собственной личности.[34] И при одном, и при другом расстройстве больным, как правило, еще удается отомстить изначальному объекту обходным путем через самонаказание и мучить свою любовь посредством болезни, впадая в заболевание, чтобы не показывать свою враждебность прямо. Человек, который вызывает у больного расстройство чувств и на которого ориентирована его болезнь, обычно находится в ближайшем окружении больного. Итак, любовную нагрузку меланхоликом его объекта постигла двоякая судьба; отчасти она регрессировала к идентификации, а другая ее часть под влиянием

---

[30] *Речь идет о регрессии, поскольку по сути дела происходит отход от (нарциссического) выбора объекта к нарциссизму. Этот возврат к нарциссическому выбору объекта Фрейд обозначает как вторичный нарциссизм. Нарциссический выбор объекта оказывается неким компромиссом между нарциссизмом и объектной нагрузкой. В статье «К введению в нарциссизм» (1914), работе, примыкаю ней к «Скорби и меланхолии», Фрейд различает два типа выбора объекта — по примыканию и нарциссический [3:64]. Нарциссический выбор объекта опирается не на объектные отношения с другим, а на отношение к самому себе. Фрейд предлагает четыре различных варианта такого любовного отношения. «Человек может любить, согласно нарциссической схеме: а) то, каков он есть сам, б) то, каким он сам был, в) то, каким он хотел бы быть, г) человека, который был частью его самого» [3:66].*

[31] *Эту тему Фрейд продолжает развивать в пятой главе «Я и оно» (1923).*

[32] *Понятие «депрессия невроза навязчивых состояний» [zwangsneurotischen Depressionen] размывает границы двух нозологических единиц, депрессии и невроза навязчивых состояний, указывая как на условность категоризации, так и на то, что одна единица может содержать в себе другую, на то, что одна стадия психосексуального развития (и соответственно глубина регрессии) содержит в себе другую.*

[33] *Об их различии см. в моей работе «Влечения и их судьба» (1915). Примечание З.Ф.*

[34] *31 мая 1897 Фрейд отправляет Флиссу рукопись [Manuskript N], которая начинается словами о том, что при неврозах мы сталкиваемся с враждебными импульсами, направленными на родителей, и при меланхолии ярко выраженными оказываются упреки в свой адрес за их смерть [13:267]. Фрейд связывает меланхолию с упреками в свой адрес за бессознательные агрессивные желания, направленные на родителей. «Вытеснение этих импульсов приводит не к страху, но, по-видимому, к расстройству настроения — меланхолии. В этом отношении меланхолия присоединяется к неврозу навязчивости» [13:269]. В связи с агрессивными желаниями при меланхолии не удивительно, что «Скорбь и меланхолия» содержит следы будущей концептуализации влечения к смерти. Фрейд в течение ряда лет говорил о том, что в любви всегда содержится элемент враждебности. Как пишет Питер Гэй, «за годы до того, как Фрейд формально возвел агрессию в ранг влечения, соперничающего с либидо, он ясно осмыслил силу направленной на себя агрессивности» [19:372], В «Я и оно» разговор о меланхолии возникает неизбежно: «Если мы обратимся к меланхолии, то увидим, что чрезмерно сильное сверх-я, которое произвело захват сознания, неистовствует по отношению к я самым безжалостным образом, как если бы оно завладело всем содержащимся в индивидууме садизмом. Согласно нашему пониманию садизма мы сказали бы, что разрушительный компонент отложился в сверх-я и обратился против я. Господствующее теперь в сверх-я начало подобно чистой культуре влечения к смерти [eine Reinkultur des Todestriebes]» [10:290].*

амбивалентного конфликта отступила на близкую к ней ступень садизма.[35]

Лишь этот садизм раскрывает нам загадку склонности к самоубийству, которая делает меланхолию столь интересной и столь опасной.[36] Мы признаем изначальным состоянием, из которого происходит жизнь влечения, грандиозную самовлюбленность я, мы видим, что в страхе, возникающем при угрозе жизни, освобождается такой колоссальный объем нарциссического либидо, что не понимаем, как может я согласиться на самоуничтожение. Мы давно знаем, что ни один невротик, который не обращает на себя импульс к убийству другого, не испытывает самоубийственных намерений, но оставалось неясным, посредством игры каких сил этот импульс может проявиться в поступке. Теперь анализ меланхолии показывает, что я только тогда может убить себя, когда в результате обращения нагрузки объекта к себе оно может рассматривать как объект самое себя, когда оно может направить на себя враждебность, которая относится к объекту и которая представляет собой изначальную реакцию я на объекты внешнего мира.[37] Так, хотя при регрессии от нарциссического выбора объекта, хотя объект и снят, он все же оказывается мощнее, чем само я. В двух противоположных ситуациях — исключительной влюбленности[38] и самоубийства — объект берет верх над я, пусть даже и совершенно различными путями.[39]

Получается, что поразительная черта меланхолии, проявление страха перед обеднением я проистекает из анальной эротики, утратившей свои связи и регрессивно преобразованной.

Меланхолия ставит нас и перед другими вопросами, ответы на которые частично от нас ускользают. Характерное свойство прекращаться по прошествии определенного периода времени, не оставляя после себя серьезных видимых изменений, она разделяет со скорбью. Там мы обнаружили, что для детального испытания реальности необходимо время, после чего я получает свое либидо свободным от утраченного объекта. Мы могли бы предположить, что во время меланхолии я совершает аналогичную работу; экономическое понимание процесса здесь, как и там, отсутствует. Бессонница при меланхолии, вероятно, подтверждает закостенелость состояния, невозможность осуществить необходимое для сна общее изъятие нагрузок. Меланхолический комплекс ведет себя как открытая рана,[40] со всех сторон притягивает к себе энергию нагрузок (которую мы при неврозах переноса назвали «противонагрузкой») и опустошает я до полного оскудения; он может легко противиться желанию спать со стороны я. Вероятно, соматическое, психогенно необъяснимое обстоятельство проявляется в регулярных облегчениях состояния в вечернее время. К этим рассуждениям примыкает вопрос, достаточно ли утраты я безотносительно объекта (чисто нарциссических упреков в свой адрес), чтобы создать картину меланхолии, и не может ли прямое токсическое оскудение я-либидо[41] приводить к известным формам расстройства.

---

[35] *Меланхолическая регрессия предполагает разъединение влечений, их, так сказать, парциализацию. Фрейд пишет в «Я и оно» [10:279], что регресс либидо с генитальной к садистически-анальной фазе основывается на разъединении влечений. Результат этого разъединения — амбивалентность, которая должна была разрешиться в эдипов период, но в силу регрессии этого разрешения не происходит.*

[36] *Помимо исследования меланхолии в 1890-е гг., еще один след, ведущий к «Скорби и меланхолии», обнаруживается в 1910 году. Одно из заседаний Венского Психоаналитического общества в этом году было посвящено самоубийству, и Фрейд, выступая на нем, говорит в связи с этой темой о сходстве меланхолии и скорби.*

[37] *См. «Влечения и их судьба» (1915). Примечание З.Ф.*

[38] *Фрейд рассматривает тему поглощения влюбленного объектом в восьмой главе «Массовой психологии и анализе я» (1921), «Влюбленность и гипноз», где он пишет о сверхнагрузке при этом состоянии я объектом [9:76]. Дальнейшую разработку этой темы можно найти в первом томе семинаров Лакана.*

[39] *Фрейд продолжает развивать тему самоубийства в пятой главе «Я и оно» (1923) и в «Экономической проблеме мазохизма» (1924).*

[40] *Фрейд сравнивает меланхолию с открытой раной в шестом разделе рукописи о меланхолии [Manuskript G].*

[41] *Это понятие указывает на нарциссический характер нагрузки. Фрейд производит различение я-либидо и объект-либидо в статье «К введению в нарциссизм» [4:75].*

Наиболее примечательное, требующее объяснения своеобразие меланхолии состоит в ее склонности превращаться в симптоматически противоположное состояние мании. Как известно, такова судьба не всякой меланхолии. Некоторые случаи протекают с периодическими рецидивами, интервалы между которыми несут либо очень незначительный оттенок мании, либо вообще лишены их. В других случаях происходит регулярное чередование меланхолических и маниакальных фаз, выражающееся в формировании циклического помешательства. Эти случаи были бы исключены из психогенного толкования, если бы психоаналитическая работа как раз таки не достигала в ряде подобных заболеваний разрешения[42] посредством терапевтического воздействия. Таким образом, не только можно, но даже нужно распространить аналитическое объяснение меланхолии и на манию.[43]

Я не могу обещать, что результат этой попытки будет во всем удовлетворительным. Скорее, речь идет всего лишь о возможности некоторой первой ориентации. Здесь в нашем распоряжении две отправные точки, первая — психоаналитическое воздействие, вторая — можно, пожалуй, сказать — общий экономический опыт. Впечатление, о котором уже много сказано другими психоаналитиками, такое, что содержание мании ни в чем не отличается от содержания меланхолии, что оба эти состояния борются с одним и тем же «комплексом», который, вероятно, при меланхолии уничтожает я, тогда как при мании я преодолевает либо устраняет его. Еще одну опору предоставляет опыт: во всех состояниях радости, восторга, триумфа, которые демонстрирует нам пример мании, можно распознать указанную экономическую обусловленность. В этих случаях речь идет о воздействии, в результате которого большие, долго сохранявшиеся или обычно производимые психические затраты в конечном счете становятся чрезмерными, так что они готовы к разнообразному применению и к возможному ослаблению. Например, когда какой-нибудь бедняга, выиграв большую сумму денег, внезапно избавляется от хронической заботы о хлебе насущном, когда продолжительная и тяжелая борьба, в конце концов, заканчивается успехом, когда попадаешь в положение, которое одним ударом кончает с гнетущей неизбежностью, долго продолжавшимися изменениями и т. д. Все подобные ситуации отличаются приподнятым настроением, признаками расслабления благодаря радостному возбуждению и повышенной готовности к различным действиям, совсем как при мании и в полную противоположность депрессии и заторможенности при меланхолии. Можно осмелиться сказать, что мания есть не что иное, как такой триумф, только от я опять же остается скрыто, что оно победило и по какому поводу имеет место триумф. Алкогольное опьянение, относящееся к этому же ряду состояний, поскольку оно радостно, можно объяснить так же; в данном случае речь, вероятно, идет о токсически достигнутом снятии затрат на вытеснение. Дилетант с готовностью предположит, что причиной такой подвижности и предприимчивости в подобном маниакальном состоянии является «хорошее настроение». Эту ложную связь[44] необходимо, естественно, разорвать. То упомянутое экономическое условие в душевной жизни выполнено, и поэтому возникают, с одной стороны, веселость в настроении, а с другой — безудержность в действиях.

Совмещая оба истолкования, мы получаем следующее: при мании я должно было преодолеть утрату объекта (или скорбь по утрате, или сам объект) и теперь получило в

---

[42] *Нам представляется весьма важным подчеркнуть, что Фрейд говорит не об излечении (как зачастую переводят), а о разрешении болезни, решении проблемы, растворении симптоматики. Используемое Фрейдом существительное Auflösung сочетает в себе значения разрешения, решения, роспуска, растворения.*

[43] *На это место — одно из множества — хотелось бы обратить внимание тех, кто по-прежнему считает, что Фрейд занимался исключительно неврозами, а нарциссические расстройства выносил за пределы психоаналитического, терапевтического интереса.*

[44] *Интересно, что именно как ошибочную связь [falsche Verknüpfung] Фрейд определяет в «Исследованиях истерии» (1895) перенос.*

свое распоряжение всю сумму противонагрузки, которую болезненное страдание при меланхолии перенесло с я на себя и привязало к себе. Одержимый манией человек тоже явно демонстрирует нам свое освобождение от объекта, от которого он страдал, с жадностью выходя на новую объектную нагрузку.

Это объяснение звучит убедительно, но оно, во-первых, еще не слишком определенно, а во-вторых, порождает больше новых вопросов и сомнений, чем мы способны разрешить. Мы не будем избегать их обсуждения, даже если не можем надеяться с его помощью обрести ясность.

Прежде всего: нормальная скорбь преодолевает утрату объекта и точно так же во время своего существования поглощает всю энергию я. Почему при ней даже приблизительно не воспроизводится экономическое условие для фазы триумфа после ее окончания? Я не вижу возможности ответить на это возражение на скорую руку. Оно обращает наше внимание на то, что мы не можем сказать, какими экономическими средствами скорбь решает свою задачу: но здесь, возможно, поможет одна догадка. По каждому отдельному случаю воспоминаний и надежд, которые показывают, что либидо привязано к утраченному объекту, реальность выносит свой вердикт, согласно которому объект больше не существует, а я, как бы поставленное перед вопросом, хочет ли оно разделить ту участь, благодаря сумме нарциссических удовлетворений решает остаться в живых и расторгнуть свою связь с уничтоженным объектом. Можно представить себе, что это расторжение происходит медленно и постепенно, а по окончании работы необходимые для него затраты распыляются.[45]

Нам кажется заманчивым поиск пути от догадки о работе скорби к представлению меланхолической работы. Поначалу на этом пути у нас возникает неуверенность. До сих пор мы не принимали во внимание топическую точку зрения и не затронули вопроса о том, в каких и между какими психическими системами происходит работа меланхолии. Какие психические процессы расстройства происходят на пройденном этапе бессознательных объектных нагрузок, а какие на этапе замещающей их идентификацией[46] в я?

Быстро выговаривается и легко записывается на бумаге, что «бессознательное (предметное) представление[47] объекта покинуто либидо». Но в действительности это представление выглядит как сумма бессчетных отрывочных впечатлений (их бессознательных следов), и проведение снятия этого либидо не может быть кратковременным процессом, а определенно является процессом длительным, постепенно развивающимся, как при скорби. Нелегко определить, начинается ли он во многих местах одновременно или содержит какую-то определенную последовательность; при анализе часто убеждаешься в том, что активированы то те, то другие воспоминания и что однообразно звучащие, утомляющие своей монотонностью жалобы проистекают все же всякий раз из какого-то другого бессознательного основания. Если объект не имеет для я такого большого, усиленного тысячекратными связями значения, то его утрата тоже не способна вызвать скорбь или меланхолию. Таким образом, свойство разового проведения разрешения либидо, которое может быть приписано в равной мере и меланхолии и скорби, основывается,

---

[45] *Экономическая точка зрения до сих пор недостаточно принималась в расчет в психоаналитических работах. Исключением является сочинение Виктора Тауска Entwertung des Verdrängungsmotivs durch Rekompense //Intern. Zeitschr. für arztl. Psychoanalyse. 1. 1913. Примечание З.Ф.*

[46] *Буквально эрзац-идентификацией [Identifizierungsersatz], т. е. идентификация выступает в качестве процесса, замещающего объектную нагрузку.*

[47] *В работе «Бессознательное» (1915) Фрейд подчеркивает, что система бсз. Содержит лишь предметные представления. В данном случае бессознательное и предметное представление используются им как синонимы.*

вероятно, на одинаковых экономических соотношениях и содействует одним и тем же тенденциям.

Но в меланхолии, как мы установили, несколько больше содержания, чем в простой скорби. Отношение к объекту при меланхолии не простое, оно усложняется амбивалентным конфликтом. Амбивалентность бывает либо конституциональная, т. е. когда зависит от каждой любовной связи этого я, либо происходит из тех переживаний, которые приносят с собой угрозу утраты объекта. Поэтому по своим побудительным мотивам меланхолия может значительно выходить за пределы скорби, которую вызывает, как правило, только реальная утрата, смерть объекта. При меланхолии завязывается множество поединков за объект, в которых борются друг с другом ненависть и любовь, первая, чтобы освободить либидо от объекта, вторая, чтобы под натиском сохранить позицию либидо. Эти поединки мы не можем перенести ни в какую другую систему, кроме как в бсз., в империю предметных следов воспоминаний (в противоположность нагрузке слова). Там же происходят попытки разрешения от скорби, но в данном случае ничто не препятствует продолжению этих процессов обычным путем к сознанию через прс. Для работы меланхолии этот путь блокирован, возможно, из-за огромного количества ее первопричин или их взаимодействия. Конститутивная амбивалентность как таковая принадлежит вытесненному, а травматические переживания, связанные с объектом, активировали, видимо, другое вытесненное. Таким образом, все в этих амбивалентных поединках исключено из сознания, пока не наступает характерный для меланхолии исход. Он, насколько нам известно, состоит в том, что нагрузка либидо, находящаяся под угрозой, в конце концов, покидает объект, но только затем, чтобы вернуться на место я, из которого она вышла. Так благодаря своему бегству в я снимается любовь. После этой регрессии либидо процесс может стать осознанным и представляется сознанию как конфликт между частью я и критической инстанцией.

Следовательно, то, что сознание узнает о работе меланхолии, не является ее существенной частью, как и тем, от чего мы можем ожидать влияния на разрешение страданий. Мы видим, что я унижает себя и набрасывается на себя, и так же мало, как и больной, понимаем, к чему это может привести и как это может измениться. Мы можем скорее приписать такую заслугу бессознательной части работы, потому что можно без труда выявить существенную аналогию между работой меланхолии и работой скорби. Как скорбь побуждает я отказаться от объекта, объявив его мертвым и предлагая я в качестве награды остаться в живых, так каждая отдельная амбивалентная борьба ослабляет фиксацию либидо на объекте, обесценивая его, унижая, как бы убивая. Существует вероятность, что процесс заканчивается в бсз., будь то после того, как унялся гнев, или после того, как объект брошен как потерявший ценность. У нас нет представления о том, какая из этих двух возможностей регулярно или преимущественно кладет конец меланхолии и как это завершение влияет на дальнейший ход событий. Возможно, я испытывает удовлетворение от того, что может признать себя в качестве лучшего, в качестве того, что превосходит объект.

Даже если бы мы могли принять такое понимание работы меланхолии, оно не может доставить нам того, на объяснение чего мы решились. Наша надежда вывести экономические условия для осуществления мании после окончания меланхолии из амбивалентности, которая господствует над этими расстройствами, могла бы основываться на аналогиях из различных других областей; но есть один факт, с которым мы обязаны

считаться. Из трех условий меланхолии, утраты объекта, амбивалентности и регрессии либидо в я, два первых мы вновь встречаем при навязчивых упреках после смертных случаев. Там амбивалентность, несомненно, представляет собой влекущую силу конфликта, и наблюдение показывает, что по его истечении не остается ничего от триумфа, свойственного маниакальному состоянию. Теперь обратим внимание на третье обстоятельство, как на единственное активно действующее. То накопление поначалу связанных нагрузок, которые освобождаются по завершении действия меланхолии, и делает возможным возникновение мании, должно находиться во взаимосвязи с регрессией либидо к нарциссизму. Конфликт в я, который меланхолия превращает в борьбу за объект, должен действовать подобно болезненной ране, которая требует чрезвычайно высокой противонагрузки. Но здесь опять будет целесообразно остановиться и отложить дальнейшее объяснение мании до тех пор, пока мы не придем к пониманию экономической природы прежде всего физической, а затем и аналогичной ей душевной боли. Мы ведь уже знаем, что взаимосвязь запутанных психических проблем вынуждает нас прерывать, не закончив, любое исследование до тех пор, пока на помощь ему не смогут прийти результаты другого исследования.[48]

[48] *См. продолжение о проблеме мании в: «Massenpsychologie und Ich-Analyse» (Ges. Werke. Bd. XIII). Примечание З.Ф. 1925 года.*